

Е. Н. Швейковская

ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВИЧ ПАШУТО: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В статье рассматривается научно-организационная роль В. Т. Пашуто по успешной реализации возникшей на сорок лет ранее идеи о необходимости публикации иностранных источников, содержащих сведения о Древней Руси.

Ключевые слова: научная инициатива, древнерусские, иноязычные, письменные, вещественные, картографические источники; подлинники, переводы, комментарии.

Сейчас совершенно ясно, насколько велика заслуга В. Т. Пашуто¹ по созданию в Институте истории СССР в 1969 г. специального Сектора древнейших государств на территории СССР (позже Восточной Европы). Главную задачу сектора составили изучение и публикация иноязычных письменных источников со сведениями о государствах и народах, существовавших на территории Древней Руси и ее соседей. Претворение в жизнь первых изданий таких памятников положило начало документальному своду «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы»², и за пять десятилетий своего существования этот свод приобрел и доказал свое фундаментальное значение. Созидательная работа по образованию сектора проходила, скорее всего, с середины 1969 г. в недрах Сектора истории СССР периода феодализма. Им в то время руководил Л. В. Черепнин и сотрудником его был В. Т. Пашуто. Разумеется, предварительно велись сложные подготовительные переговоры, возможно, начавшиеся с конца 1968 г. еще в Институте истории АН СССР. Ведь требовались веские обоснования для доказательства нужности формирования подобного подразделения, для со-

¹ Научная деятельность ученого с 1946 г., т. е. с года поступления в аспирантуру, была связана с Институтом истории АН СССР (с 1969 г. — Институтом истории СССР).

² Серию открыла публикация: Мельникова 1977.

гласования проекта в институтской дирекции и в соответствующих вышестоящих инстанциях. Следует учитывать и то существенное обстоятельство, что образование нового сектора по изучению народностей и древнейших государств, существовавших когда-то на территории СССР, совпало с реорганизацией Института истории АН СССР. Он в самом конце 1968 — начале 1969 г. был разделен на два самостоятельных учреждения: Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Необходимо также иметь в виду и сложность тогдашнего «текущего» политического момента, усугубленного кризисом внутри «лагеря социалистической системы», проявлением которого были случившиеся в августе 1968 г. события в Чехословакии.

Судя ходу организационных действий, в апреле 1969 г. шла ведомственная переписка дирекции Института истории СССР с Президиумом АН СССР. Тогдашний директор института акад. Б. А. Рыбаков на документ от 7 апреля 1969 г., посланный в соответствующий отдел Президиума, получил из него 14 апреля 1969 г. ответ, подписанный вице-президентом АН СССР акад. А. М. Румянцевым. Это ответное постановление Президиума «разрешает назначить исполняющими обязанности заведующего сектором Института истории СССР АН СССР с последующим оформлением в установленном порядке». Обращает на себя внимание употребление множественного числа, которым обозначено определение будущей должности. Дело в том, что параллельно с сектором древнейших государств создавался еще сектор источниковедения. Собственно, от Президиума было получено разрешение на назначение двух руководителей для вновь создаваемых в Институте подразделений, а на них претендовали доктора исторических наук В. Т. Пашуто и Н. И. Павленко³.

Санкция Президиума АН СССР на образование в Институте истории СССР нового подразделения датирована 1 мая 1969 г. 14 июня 1969 г. В. Т. Пашуто обратился к директору Института истории СССР Б. А. Рыбакову с просьбой допустить его «к конкурсу на замещение должности заведующего Сектором истории древнейших государств на территории СССР». Заседание

³ Это подтверждает сделанная под текстом помета карандашом: «Оригинал копии № 39-32-330 вложено в дело д.и.н Павленко Н. И.». Скорее всего, она принадлежит заведующему отделом кадров Института истории СССР П. В. Микуловичу, так как имеется его удостоверяющая запись: «Копия верна: зав. отд. кадров П. В. Микулович». См.: Архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Личное дело В. Т. Пашуто. Л. 76.

конкурсной комиссии Института состоялось 2 октября 1969 г., на нем было принято решение «рекомендовать В.Т. Пашуто Ученому Совету для избрания на должность» заведующего Сектором истории древнейших государств на территории СССР. Избрание В.Т. на искомую должность состоялось на заседании ученого совета института 9 ноября 1969 г., а приказ дирекции от 20 ноября того же года утвердил его заведующим⁴. В.Т. Пашуто возглавлял названный сектор с 1969 г. по 1983 г. Ядро нового сектора составили сотрудники Сектора истории СССР периода феодализма: сам В.Т. Пашуто, А.П. Новосельцев, Я.Н. Шапов.

Идея изучения и публикации сведений о Руси, содержащихся в зарубежных источниках, возникла не на пустом месте. Она была подготовлена предшествующим формированием российского исторического знания и уровнем развития отечественной историографии рубежа XIX–XX вв. Из научной биографии В.Т. Пашуто известно, что он был аспирантом акад. Б.Д. Грекова в 1946–1948 гг. и под его началом изучал историю Галицко-Волынской Руси XIII в., что завершилось публикацией молодым ученым его первой монографии (Пашуто 1950).

Необходимо сказать несколько слов о научном руководителе Пашуто — акад. Б.Д. Грекове. Он учился в 1901–1905 гг. в Варшавском университете у видного историка-медиевиста Д.М. Петрушевского (1863–1942, акад. АН СССР с 1929 г.). Из-за временного закрытия в 1905 г. университета в Варшаве Б.Д. Греков с рекомендациями от Д.М. Петрушевского перевелся в Московский университет и продолжил обучение у М.К. Любавского и А.А. Кизеветтера. Оба они были учениками В.О. Ключевского. По окончании в 1907 г. Московского университета Б.Д. Греков для подготовки к магистерскому званию прикомандировался к Петербургскому университету в семинарий А.С. Лаппо–Данилевского, где и защитил магистерскую диссертацию в декабре 1914 г. (Горская 1999. С. 21–22, 24–25, 28).

С 1907 г. Греков начал преподавательскую деятельность, в том числе на историко-филологическом факультете Высших женских курсов, куда его в конце 1909 г. рекомендовал никто иной как акад. С.Ф. Платонов. Он же в декабре 1914 г. представлял кандидатуру Грекова в Казанский университет на конкурс по освобожденной кафедре русской истории (Горская 1999. С. 30–31, 38).

⁴ Архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Личное дело В.Т. Пашуто. Л. 77–78, 127.

Наряду с преподаванием значительное место в жизни Б. Д. Грекова занимала работа в Археографической (Императорской) комиссии, куда он поступил в сентябре 1921 г. (в 1922 г. она передана в Академию наук, с 1928 г. она — Археографическая комиссия АН СССР). Примечательно то обстоятельство, что Археографическую комиссию возглавлял в 1918–1929 гг. С. Ф. Платонов, а Б. Д. Греков был в ней помощником (заместителем) ученого секретаря А. И. Андреева. С середины 1920-х гг. Археографическая комиссия стала центром не только по собиранию, описанию, изданию документов, но и по подготовке кадров в области археологии. Однако к концу 1929 г. Археографическая комиссия оказалась вовлеченной в острое противостояние «марксистской» и «буржуазной» науки, выразившееся также в личной неприязни М. Н. Покровского и С. Ф. Платонова. Этот конфликт привел к отставке С. Ф. Платонова со всех занимаемых постов, к массовым увольнениям сотрудников в возглавляемых им учреждениях, что завершилось, в конце концов, фабрикацией «академического дела Платонова» (Горская 1999. С. 57–58, 66–68. Лепехин 2011. С. 165–167). Однако в накалявшейся обстановке осенью того же 1929 г. академик-секретарь (с марта 1929 г.) Отделения гуманитарных наук С. Ф. Платонов выдвинул Б. Д. Грекова наряду А. И. Андреевым и С. В. Бахрушиным кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР (Горская 1999. С. 70). Совершенно очевидно доброжелательное отношение С. Ф. Платонова к Б. Д. Грекову, которого маститый ученый привлекал к сотрудничеству и способствовал его профессиональному росту.

Перечисление имен упомянутых историков: Д. М. Петрушевского, М. К. Любавского, А. А. Кизеветтера, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова свидетельствует о высоком качестве полученного Б. Д. Грековым образования у лучших представителей тогдашней русской исторической науки. Знания, приобретенные у ученых ведущих школ — московской и петербургской, а также неформальное общение с ними способствовали разностороннему становлению Грекова — исследователя, источниковеда, археолога. Кратким биографическим экскурсом об акад. Б. Д. Грекове мне хотелось подчеркнуть, учеником историка с каким фундаментом и какого масштаба, был В. Т. Пашуто.

Хорошо известен вклад Б. Д. Грекова в исследование прошлого западных и южных славян, реализовавшийся в изучении и издании ряда правовых памятников, таких как «Винодольский статут

об общественном и политическом строе Винодола» (М., 1948), «Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV–XVII вв.» (М., 1951), «Польская правда» (М., 1957). Вполне вероятно полагать, что Б.Д. Греков мог размышлять в присутствии В.Т. Пашуто о важности расширения довольно скудной источниковой базы по истории Древней Руси в целях сравнительного изучения документов, синхронно существовавших у народностей Восточной Европы. Ведь дом академика с атмосферой благожелательного внимания, дружелюбия, гостеприимства был открыт для учеников по их же воспоминаниям. Н.А. Горская — последняя аспирантка Б.Д. Грекова как раз у него познакомилась (1951/52 г.) с В.Т. Пашуто, уже сотрудником Института истории (Горская 1999. С. 190, 194). Именно В.Т. Пашуто после кончины Б.Д. Грекова стал ее научным руководителем.

Заслуживает пристального внимания вопрос, когда и у кого возникло намерение о необходимости углубленного изучения иноязычных документов и памятников для реконструкции истории Древней Руси, имелись ли по этому поводу какие-то наметки, заметки? На него существует теперь положительный ответ, благодаря находке Н.А. Горской в архиве СПб ИИ РАН.

Исследовательница, работая над книгой о Б.Д. Грекове, обнаружила в архиве документальное собрание с названием «Бумаги академика Грекова Бориса Дмитриевича», а в нем — докладную записку, написанную им в соавторстве с С.Н. Черновым. Документ не имеет авторского заголовка и даты, и в архивной описи получил название «Инструкция по использованию источников для изучения народностей Восточной Европы». Поясню, что С.Н. Чернов, ученик А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова по Петербургскому университету, работал профессором Саратовского университета, в октябре 1928 г. был отчислен из него, и, возвратившись в Ленинград, стал работать «по заданию» (внештатно?) Археографической комиссии. Рассматриваемый документ напечатан на машинке с мелким шрифтом, фиолетовой лентой, через один интервал, поэтому текст имеет убористую плотную структуру и местами трудноразличим. Н.А. Горская на основе анализа текста датировала найденный документ 1929 г. Он, как считает исследовательница, представляет собой «детальный план грандиозного проекта», который «демонстрирует широчайший подход его авторов к изучению истории народностей Восточной Европы III–XIII вв. н.э., многие из аспектов которого до сих пор

(т.е. к 1999 г. — *Е.Ш.*) еще не нашли своей реализации в историографии». Н. А. Горская полагает также «наиболее вероятным», что авторы Записки — «Инструкции» сумели познакомить с ней С. Ф. Платонова, который в то время исполнял обязанности академика-секретаря Отделения гуманитарных наук. Она также выражает уверенность в том, что проект «лежал в русле предложений Платонова о создании научно-исследовательского института по русской археографии, изложенных им в записке в АН от 2–4 марта 1929 г.» (Горская 1999. С. 72–73).

Безусловно, данный документ заслуживает особого внимания и более детальной характеристики. Содержательно научная записка Грекова — Чернова состоит из нескольких частей. В первой приводится развернутое обоснование необходимости опоры «на разнообразные иностранные, т.е. вне-восточноевропейские, источники» при изучении истории Восточной Европы, относящиеся к «эпохе от великого переселения народов до образования Монгольской империи». Исследование подобных источников, по мнению авторов Записки, создаст предпосылку «для выяснения до-феодалного строя народностей Восточной Европы, вовлеченных в состав русского государства, и процесса феодализации русского государства». Ее соавторы считали эти вопросы, и не без основания, на тот момент первоочередными для «исторической науки и без предварительных разысканий в указанном направлении едва ли разрешимыми». Собственно, речь шла о создании объемной и репрезентативной источниковой базы, которая позволила бы убедительно судить о становлении и развитии феодализма в Древней Руси.

Во второй части Записки, которая состоит из 8 пунктов, перечислены видовые (с точки зрения современной источниковедческой классификации. — *Е.Ш.*) «группы» источников по периоду III–XIII вв. Первыми названы: «Рассказы и отдельные сведения вне-восточноевропейских писателей, напр. арабских, персидских, армянских, грузинских, еврейских, византийских, болгарских, сербских, венгерских, польских, ордынских, скандинавских, итальянских, чешских, германских, французских и др. о Восточной Европе», т.е., по сути, нарративные источники. Пункты 5 и 6 посвящены вещественным источникам, которые включают: «Памятники материальной культуры вне-восточноевропейского происхождения, найденные на территории Восточной Европы...»; наряду с ними — «Памятники материальной культуры восточноевропейского происхождения, найденные вне территории Восточной

Европы...». Предметом изучения служат также «Географические названия Восточной Европы вне-восточноевропейского происхождения или указывающие на связи с восточноевропейским миром...» и вместе с тем «Географические названия вне-восточноевропейских территорий, восточноевропейского происхождения или указывающие на связи с Восточную Европою...».

Третья часть записки в нескольких пунктах формулирует **общие требования** (здесь и далее выделено мной. — *Е. Ш.*), по своему существу, археографического характера к научному изданию текстов, к фиксации памятников материальной культуры, а также коллективного творчества, уже записанного или устного, причем с отсылкой к пунктам второй части. Приведу, чтобы не быть голословной, в качестве примера требования к письменным источникам: «1. новое критическое издание текстов вне-восточноевропейских писателей о Восточной Европе на языке **подлинников**, с переводом на русский язык, надлежащим реальным историческим комментарием (в том числе историко-географическим и историко-бытовым) и со вводными статьями об авторе и использованных рукописях. 2. такое же издание в надлежащем контексте отрывков из сочинений вне-восточноевропейских авторов, писавших не о Восточной Европе, но давших о ней некоторые сведения». Наряду с отмеченными данными на памятники материальной культуры как с восточноевропейской, так и с вне-восточноевропейской территорий должны составляться «надлежаще комментированные описания, списки и карты распространения...». Тем же образом проводится «составление надлежаще комментированных списков и карт, распространения географических названий, упомянутых в п. 7 и 8» (Горская 1999. С. 74–76).

Исполнение фундаментального проекта его авторы предполагали осуществить на базе ВАН⁵ как центра, содержащего ценнейшие рукописные собрания, имевшего высококвалифицированных и «преданных делу изучения В[осточной] Е[вропы] работников». Записка соавторов заканчивается следующими словами: «Нижеподписавшиеся были бы рады принять посильное участие в этой работе, если БАН предпримет ее организацию. Ряд историков и лингвистов разных специальностей (Восток, Византия, Запад) обещают свое содействие намечаемой работе». Далее стоят подписи: «Б. Греков», «С. Чернов».

⁵ Так в тексте, вероятно БАН.

Содержание и стилистика «Записки-Инструкции» показывают, что ее авторы выразили назревшую идею и руководствовались пониманием насущной необходимости сравнительно-исторического, параллельного изучения русских и славянских источников. Они имели четко разработанный план для практического претворения. Он заключался в выявлении источников и не только письменных, в определении их ареала и необходимого круга с учетом государственно-территориальной и культурной принадлежности, а также взаимопроникновения. Была предложена оценка кадровой обеспеченности проекта, а также проведены какие-то предварительные переговоры со специалистами вне БАН⁶. К большому сожалению, в свое время столь насущный проект не был исполнен.

Лишь через 40 лет замысел по изданию и изучению иностранных источников, содержащих сведения о Древней Руси, начал осуществляться, став делом жизни В.Т. Пашуто, его учеников и последователей. Прослеженная научная инициатива воплотилась сначала в анализируемом проекте, затем плодотворно реализовалась в работе и продукции созданного В.Т. Пашуто сектора в Институте российской истории и продолжает развиваться в деятельности такого же отдела в Институте всеобщей истории. Изученный сюжет, по-моему, лишь один из существенных эпизодов в длительном процессе развития советской науки, и не только исторической, побуждающий к более общим размышлениям. Постигание сложного пути от идеи до ее претворения в жизнь выявило линию межпоколенческой преемственности в определенной научной области и в конкретных подходах к принципам комплексного анализа источников и трактовки их сведений. Замечу, что последняя наиболее зависима от методологической ориентации ученого, степени следования господствующим постулатам.

К сказанному необходимо также добавить штрих к творчеству самого В.Т. Пашуто В русле рассмотренного проекта органично вписываются его работы, посвященные правовым кодексам: «Помезания. “Помезанская правда” как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII–XIV в.» (М., 1955) и «Корчула. Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя

⁶ Н.А. Горская из рассмотрения записки сделала следующий вывод: «Осуществление грандиозного замысла, созревшего к тому времени в недрах Академии наук, переданного от Платонова Грекову и Чернову и получившего в их записке вполне реальные очертания, было задержано на 40 лет» (Горская 1999. С. 76).

острова Корчула XIII в.» (М., 1976). Обе книги построены по одному принципу. Они состоят из исследования текстов памятников, принадлежащих перу В.Т. Пашуто, и Приложений, включающих публикацию самих текстов, их переводы, которые выполнили А.В. Десницкая (Помезания) и И.В. Шталь (Корчула), и комментарии. В этих изданиях ученый руководствовался общей задачей сравнения синхростадиальных однотипных памятников, нацеленного на будущие типологические сопоставления.

ЛИТЕРАТУРА

Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

Лепехин М.П. Об административной деятельности С.Ф. Платонова во второй половине 1920-х гг. // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 165–192.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1977.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Elena N. Shveykovskaya

VLADIMIR TEREŒT'EVICH PASHUTO: TRAITS TO THE PORTRAIT

The article illuminates the scientific and organizational role of V.T. Pashuto in the successful realization of the idea that emerged 40 years before — to publish foreign sources containing information about Ancient Rus'.

Keywords: scientific enterprise, Old Russian, foreign, written, material, cartographic sources, originals, translations, commentaries.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-10-18